

АНДРЕЙ ОКАРА

В окрестностях нового Константинополя

Восточнохристианская цивилизация
перед лицом новейшего мирового хаосопорядка

Россия, Украина, Беларусь и иные культурно родственные страны в настоящий момент находятся на модернизационном и цивилизационном раздорожье — пребывают в состоянии поиска своего места в мире настоящего и будущего, поэтому актуальность цивилизационного самоосознания для них крайне велика. Ниже мы попытаемся комплексно проанализировать культурно-цивилизационные особенности стран восточнохристианского ареала и смоделировать варианты эффективного развития в условиях глобальной социально-политической турбулентности.

Цивилизационная идентичность в современном сознании

Цивилизации являются более устойчивыми ассоциациями, чем империи, национальные государства и культурно-языковые общности. Цивилизацию принято рассматривать как самый высокий уровень культурно-ценностной консолидации; однако следует отметить, что цивилизация — это не застывший во времени «культурно-исторический тип», а живой процесс. Ниже речь пойдет о цивилизациях как локальных общностях, выстроенных вокруг общих ценностей. В этом смыс-

ле цивилизационная идентичность не тождественна ни религиозно-конфессиональным, ни культурным, ни этническим, ни расовым, ни языковым факторам, хотя все они и участвуют в ее создании.

Следует отметить, что цивилизационная идентичность — это не просто раз и навсегда данные количественные характеристики той или иной социальной общности. Это качественное изменение, подверженное трансформации во времени — усилению, ослаблению, изменению. Поэтому главный критерий цивилизации — это наличие определенного набора *трансцендентных представлений о бытии, об абсолютной реальности, о времени, вечности, смысле существования* и т. д. Ключевой момент в определении сущности той или иной цивилизации — исследование ее «*сакральной вертикали*», то есть, по определению В. Л. Цымбурского, религиозных или идеологических представлений, соотносящих культурную, геополитическую и социальную практику с Абсолютом, с высшей трансцендентной реальностью¹.

¹ См. В. Л. Цымбурский. Народы между цивилизациями. — Он же. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы, 1993—2006. М., 2007. С. 212; М. В. Ильин. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

Таким образом, современную цивилизацию можно определить как *процесс по поддержанию универсальной картины мира, наднациональной идентичности и жизненного порядка у локализованной социальной общности на основе общих трансцендентных ценностей и эмпирических представлений, а также культурных и социальных практик.*

Как известно, Самуэль Хантингтон выделяет в современном мире восемь больших цивилизаций: синскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и африканскую². При всем схематизме такого деления и спорности вопроса о том, являются ли Западная Европа, Северная Америка и Южная Америка отдельными цивилизациями либо тремя субцивилизациями единой западной цивилизации, согласимся с выделением восточнохристианской цивилизации именно как отдельной цивилизации, а не субцивилизации Запада или «единой Европы», как это часто происходит в российской социогуманитарной мысли.

Вместе с тем говорить о «православной» цивилизации не совсем точно по трем причинам. Во-первых, в словосочетании «православная цивилизация» происходит отождествление цивилизации и конфессионального пространства — цивилизация ошибочно приравнивается к религии. Во-вторых, восточное христианство не сводится лишь к православию — не все восточные христиане являются православными, однако все они принадлежат к восточнохристианскому культурному и цивилизационному ареалу. В-третьих, относящиеся к этой традиции страны являются секулярными, церковь (за исключением Греции) не играет значимой жизни в обществе.

² См. С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 54–60.

Поэтому точнее было бы говорить не о «православном», а о «постправославном» сообществе. Оптимальным и корректным представляется определение цивилизационной общности как «восточнохристианской» или «восточноевропейской».

Выделение именно восточнохристианской цивилизации в идеале снимает и актуальный для каждой из православных стран болезненный вопрос о ее принадлежности/непринадлежности к Западу/Востоку. Восточнохристианская цивилизация не есть Запад — в том смысле, в котором им является западнохристианская цивилизация, и не есть Восток — в том смысле, в котором им являются исламская и иные цивилизации Азии. Но, тем не менее, и восточнохристианская, и западнохристианская цивилизации произрастают из одного корня — из античной греко-римской цивилизации. Античный универсализм был заложен и в одну, и в другую цивилизационные матрицы. Христианство добавило в каждую из них еще и духовный универсализм.

Однако если универсализм западной цивилизации стал начиная с XV—XVII веков основой проекта «Модерн», то универсализм восточнохристианской цивилизации реализовался в Византийской империи и затем в достаточно причудливых формах в Советском Союзе. К основополагающим признакам универсализма следует причислить и *идею развития*, у которой также два источника: античность и христианство. Так что на данный момент универсализм, проекты будущего, которые хотелось бы реализовать и вовлечь в них все человечество, претензии на универсальность и общезначимость тех социальных инноваций, которые способны породить православные страны, — это ресурс возможностей восточнохристианского мира, которым, правда, пока не особо спешат воспользоваться.

Принципиально важным является вопрос о месте СССР в истории развития восточнохристианской цивилизации. Советский Союз — политический и геополитический продолжатель Российской империи — можно определить шпенглеровским термином «псевдоморфоза» восточнохристианской цивилизации, под которым понимается несовпадение внешней культурной формы и ее глубинного содержания. Октябрьскую революцию 1917 года и установившийся после нее большевистский режим допустимо интерпретировать как аналог западной Реформации. В новом, коммунистическом культе в «перевернутом» виде воспроизводились основные христианские ритуалы, эсхатология «светлого будущего», «рая на земле», а мессианство Третьего Интернационала вполне сравнимо с третьеримским. Примечательно, что после Второй мировой войны Советский Союз целенаправленно включил в орбиту своего геополитического и идеологического влияния — в «социалистический блок» — все страны восточнохристианского ареала, за исключением Греции и Кипра, интегрировать которые не удалось по стечению ряда обстоятельств.

Географический ареал восточнохристианской цивилизации

Границы цивилизаций, как и границы государств, изменчивы во времени. Однако, в отличие от государственных границ, цивилизационные расплывчаты и не имеют строгих очертаний. Цивилизационные ядра и территории с устойчивой цивилизационной идентичностью окружены лимесами (цивилизационными окраинами) и лимитрофами (межцивилизационны-

ми пространствами), в современном глобализующемся мире в условиях нового великого переселения народов представители самых разных цивилизаций могут проживать совместно на одной территории длительное время и сохранять свойственные им культурную, религиозную, цивилизационную и даже языковую идентичности.

Представляется, что в настоящее время пространство восточнохристианской цивилизационной общности состоит из территорий современных независимых государств, в которых восточное христианство исповедуется

Принципиально важным является вопрос о месте СССР в истории развития восточнохристианской цивилизации.

подавляющим большинством населения и исторически является основой национальной или государственной идентичности. К таковым относятся: Армения, Беларусь, Болгария, Греция, Грузия, Кипр, Македония, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Украина, Черногория. Окраинами восточнохристианской цивилизации можно считать ареалы распространения православия на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северной Америке и некоторых других регионах, а также ареалы распространения древних восточнохристианских церквей (монофизитских и несторианских) в Эфиопии, Египте и на Ближнем Востоке.

Единственной относительно влиятельной международной организацией, объединяющей страны на основе восточнохристианской цивилизационной идентичности, является Европейская межпарламентская ассамблея православия со штаб-квартирой в Афинах, постоянными членами секретари-

ата которой являются Греция и Россия, а генеральным секретарем — исключительно представитель Греции. За время своего существования (с 1994 года) ее членами были представители парламентов Австралии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Греции, Грузии, Иордании, Казахстана, Кипра, Латвии, Литвы, Молдавии, Палестины, Польши, России, Румынии, Словакии, США, Уганды, Украины, Финляндии, Чехии, Эстонии.

«Осевыми» (по Тойнби) или «стерженными» (по Хантингтону) государствами, «ядрами» восточнохристианской цивилизации в современном мире следует считать Грецию, Россию и Украину. Грецию — как непосредственную наследницу Византийской империи, носительницу греческого языка, греческой культуры и греческой этнокультурной идентичности, как очаг и своеобразный культурный эталон православия. Россию — как преемницу Византии и единственное на протяжении нескольких веков независимое православное государство, как современную страну православной культурной традиции, претендующую на статус сверхдержавы. Украину — как центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, как прямую наследницу Древней Киевской Руси, генератор церковной и светской модернизации для всего славянского мира в XVII—XVIII веках, как самую большую в современном мире страну по числу православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

Ареал распространения восточнохристианской цивилизации можно обобщенно именовать Восточной Европой — в противовес Западной и Центральной Европе. При этом Западной Европой следует именовать романо-германские и англосаксонские страны. Центральную Европу в таком случае следует рассматривать как цивилизационную окраину Западной —

это страны западнохристианского ареала, но не принадлежащие к семьям романо-германских и англосаксонских народов (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, а также Эстония, Латвия и Литва; открытым остается вопрос о принадлежности к центрально-европейскому ареалу преимущественно исламских Албании и Боснии и Герцеговины). Таким образом, Восточная Европа в современном актуальном понимании — это не социалистическая Европа Варшавского договора, а Европа восточнохристианской традиции.

Именно вызов Запада является базовым и определяющим для России, Украины, Беларуси. Для Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Грузии, Армении, наряду с вызовом Запада, на протяжении нескольких веков определяющим был вызов Юга — Оттоманской Порты. По отношению к Западу, а в предыдущие века также и по отношению к Оттоманской Порте, российскими интеллектуалами и политиками выстраивались геополитические и концептуальные консолидационные проекты вокруг Российской империи. Три наиболее разработанных — это проект вселенской православной монархии, панславистский и евразийский проекты.

Первый — это попытка объединения под скипетром российского царя всех православных стран: «украинский проект» Алексея Михайловича и Никона, «греческий проект» Екатерины II, российско-турецкие войны и борьба за освобождение Константинополя Александра II и Александра III. *Второй проект* — это попытка собрать под главенством России все славянские земли — как православные, так и католические и протестантские. *Третий проект* — евразийский, основанный на стратегическом союзе православных славян с мусульманами — тюркскими народами Евразии. Какому из этих трех проектов отдать

предпочтение? Вероятно, тому, который в наибольшей степени основан на общности ценностей, а не интересах.

«Православный» проект основан на общности экзистенциальных, сакральных, историософских и религиозных ценностей. Панславистский — на общности этнокультурных и языковых ценностей, а также на мифологеме об общем происхождении. Евразийский — на идее общего «месторазвития», на взаимном культурном влиянии, стратегической общности геополитических интересов. По всей вероятности, для консолидации на основе ценностей культурного и трансцендентного характера наиболее перспективен и актуален в геополитическом отношении именно «православный» проект в современной интерпретации — без теократической и имперской составляющих.

Аргументы противников развития восточнохристианской цивилизационной идентичности России сводятся к тому, что в случае установления приоритетных отношений с православными странами могут ухудшиться отношения с Северным Кавказом, тюркским Поволжьем, Центральной Азией, Ираном. Однако в том-то и дело, что восточнохристианская цивилизация может рассматривать неродственные в цивилизационном отношении (но родственные в культурном и историческом плане) страны и народы в качестве союзных лимитрофов, с которыми должны выстраиваться приоритетные отношения. То есть для восточнохристианской цивилизации Польша, Чехия, Словакия, Хорватия, Казахстан — это именно лимитрофы. Но лимитрофы, которые можно включать в ареал своего влияния, — тем более что в российской общественной мысли на концептуальном уровне разработаны стратегии взаимодействия и с тюрками, и со славянами-католиками, главный

момент в которых — ответ на вопрос, как собственную цивилизационную и религиозную идентичность сделать не фактором противостояния и «конфликта цивилизаций», а, напротив, фактором консолидации, взаимопонимания и «диалога цивилизаций». Аналогичным образом формулируется задача для Украины — не превратить во врагов Польшу и крымских татар; для Сербии — удержать на приемлемом уровне отношения с Хорватией и Боснией и Герцеговиной; для Греции и Болгарии — поддерживать отношения с Турцией.

Модернизация, демомодернизация, постмодернизация В УСЛОВИЯХ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Россия, Украина, Беларусь и некоторые другие страны, в которых православная культурная и религиозная традиции являются доминирующими и определяющими, после исчезновения СССР и закрытия советского модернизационного проекта в начале 1990-х при наличии мощного «вызова» Запада встали на путь вестернизации. Однако, поскольку вестернизация, облаченная в концептуальную оболочку постмодерна, сопровождалась очевидной демодернизацией этих стран и архаизацией обществ, в условиях усиления политической турбулентности и ломки мирового порядка встал вопрос о необходимости поиска альтернативных форм социального проектирования и развития.

Существующий в настоящее время арсенал социального проектирования позволяет производить модернизацию общества на более мягких и тонко подобранных концептуальных основаниях. Если в индустриальную эпоху модернизация означала ломку жиз-

ненного уклада и традиционных ценностей, социальную мобилизацию, насильственную урбанизацию, сильный общественный стресс, репрессии против недовольных и прочие «прелести», пережитые советскими гражданами в 1920—1930-х годах, то при нынешних технологических возможностях, существующих в постиндустриальном информационном обществе, практически любые социальные трансформации возможны без массового социального насилия со стороны субъекта модернизации.

Современная социальная теория предлагает незападному обществу три варианта ответа на «вызов» Запада: вестернизацию, догоняющую модель развития (в том числе неомодернизацию как ее разновидность) и постмодернизацию как развитие на основе собственной идентичности³. Последний вариант выглядит на первый взгляд крайне привлекательно, ибо на словах предлагает постсоветским странам «постмодернизацию-без-вестернизации». Однако в реальности эта теория, пропагандирующая гибкое сочетание ценностей традиционного и модернизированного обществ, как правило, не обладает вообще никаким потенциалом развития⁴.

В условиях глобальной конкуренции «вызов» Запада заключается еще и в том, что он всеми возможными способами стремится не создавать новых и нейтрализовывать имеющихся конкурентов. В ход идет весь арсенал политических, экономических и когнитивных средств. Например, падение на постсоветском пространстве уровня среднего и высшего образования при помощи внедрения стандартов Болонской системы, замена

экзаменов тестами, «экспорт» западной гедонистической модели досуга и массовой культуры без «укомплектования» их соответствующей трудовой этикой, навязывание при помощи грантовой системы определенных научных стандартов и «вирусных» теорий в социогуманитарных науках и т. д. — все это инструменты демодернизации.

Но самый эффективный инструмент (и наиболее болезненный для постсоветских обществ) — это навязывание при помощи лоббистских и информационных технологий той или иной схемы и стратегии модернизации, что сопровождается также крупными кредитами под определяемые кредиторами условия. Совершенно точно замечает В. Г. Федотова, что в 1990-е годы российское общество кинулось догонять Запад эпохи первоначального накопления, тогда как Запад уже завершил этап перехода к постиндустриальному развитию. И архаизация в России происходит после того, как она прошла процесс индустриализации⁵.

Представляется, что в нынешних условиях ответ на глобальный «вызов» Запада можно дать лишь при сочетании инструментального и ценностного подходов. Инструментальный предполагает, что в современных условиях копирование какой-либо привлекательной модернизационной модели развития контрпродуктивно. Ценностный подход означает, что в нынешних условиях актуален не просто грамотный ответ на «вызов» Запада, а создание собственного глобального вызова. Иначе говоря, создание собственного универсального миростроительного проекта.

Кризис любого крупного социального явления, идейно-философского движения, интеллектуального направления или течения в искусстве влечет за собой, как правило, две реакции —

³ См. В. Г. Федотова. Хорошее общество. М., 2005. С. 153—212.

⁴ См., например: J. C. Alexander. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New World» of «Our Time». — «Zeitschrift für Soziologie». 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 182.

⁵ См. В. Г. Федотова. Хорошее общество. С. 226.

постмодернистскую (декадентскую) и авангардную, разница между которыми заключается в отношении к завершившемуся явлению. В первом случае реакция сводится к переосмыслению и переструктурированию уже имеющихся достижений, во втором — напротив, к отрицанию старого и утверждению инновационной модели. У завершающегося проекта «Модерн» есть постмодернистская реакция — различного рода доктрины, размывающие модернистские ценности и институты. Но буквально на наших глазах формируется и авангардная интеллектуальная реакция — теории «сверхмодерна», «альтермодерна», «неомодерна», «археомодерна», консервативно-революционного развития и т. д. Как представляется, восточнохристианская цивилизация имеет в своем арсенале некоторое количество явлений и феноменов, которые могут быть востребованы в качестве инноваций при моделировании новых социальных и миростроительных проектов.

Восточнохристианская антропология как предпосылка НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур составляющих ее народов являются представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, а также о месте в универсуме и обществе. Главные различия между восточнохристианской и западнохристианской цивилизациями начинаются именно с антропологических установок — с представлений о смысле жизни и смерти, о грехе, спасении, преображении, должном и недолжном, о труде и посмертном воздаянии, из чего в свою очередь вытекают представления о церкви, обществе, государстве и конце света.

В основе православной антропологии лежит представление о возможности стяжания человеком божественных энергий и о единении с Господом на энергийном уровне, полнее всего раскрывшееся в исихазме, о выходе за пределы повседневности, о реальности трансцендентного опыта. «Идеальный человек» в православии — это человек, взятый в некоем трансцендентном масштабе, стремящийся к обожению и преображению, выходящий за онтологические и антропологические пределы, человек-абсолют. Характерно, что в православной этике подобный антропологический максимализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

Секуляризация начиная с XVIII века постепенно уменьшала значимость религиозных антропологических представлений для стран восточнохристианского мира, однако типологически близкие модели «прорастают» уже в светской культуре — скажем, классическую русскую литературу XIX и даже отчасти XX века можно рассматривать как специфическую форму духовной практики; некоторые исследователи обнаруживают в основании ее смыслов, образной системы и изобразительных средств архетипы соборности и пасхальности⁶. Примечательно, что ее типический положительный герой — не деятель, а созерцатель. Обобщая, можно сказать, что главный герой русской классической литературы XIX века — человек преображенный, человек, вставший на путь духовного обновления.

Совершенно иные антропологические представления просматриваются в фундаменте западноевропейской культуры — в контексте католической, а позже и протестантской доктрин

⁶ См., например: **И. А. Есаулов**. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995; **Он же**. Пасхальность русской словесности. М., 2004.

«идеальный человек» лишен, по большому счету, подобных максималистских интенций⁷. Трансцендентный опыт рассматривается как удел немногих избранных, «идеальный человек» ограничен определенными онтологическими рамками и сосредоточен на проблеме спасения и искупления, то есть на проблеме земного существования, а не жизни вечной — проблемы обожения для него не существует. Примечательно, что только в православии существует феномен юродства, в католичестве его нет, а в протестантизме вообще отсутствуют как монашество, так и почитание святых.

Разумеется, в западноевропейской культуре еще во времена Ренессанса появляется образ «максимального человека», который позже развивается в алхимических и мистических учениях, в масонстве, у романтиков, у Гете, Гегеля, Ницше, Хайдеггера, Генона. Подобные культурные феномены создали ткань западноевропейской культуры, но с точки зрения влияния на общественное развитие это были в целом не магистральные, а маргинальные течения. Ткань западноевропейской социальности создали иные мыслители — Августин, Фома Аквинский, Декарт, Гоббс, Локк, Адам Смит, Кант, Поппер, фон Хайек. Мейнстримом Запада стало представление о «минимальном человеке» — «человеке юридическом», «человеке экономическом», «человеке физиологическом».

В современном мире прежняя модель человека, созданная в недрах западной религиозности и культуры, терпит глубокий экзистенциальный и когнитивный кризис — кризис духа и души. Западная цивилизация способна быть генератором новых промышленных технологий и научных открытий, но уже, по всей видимости, исчерпала свои возможности по генерирова-

нию новых смыслов существования человека, новых антропологических представлений. В подобной ситуации православная «максималистская антропология» получает шанс быть востребованной как концептуальная, мировоззренческая, ценностная основа для универсального проекта «нового гуманизма», для творческого созидания обновленной и одухотворенной Вселенной, для модернизационных миростроительных проектов.

«Soft power» восточнохристианской цивилизации

Любая большая общность, в том числе цивилизационная, конструируется прежде всего на когнитивном уровне — на основе общих ценностей, идей, идеалов, представлений, символов, сакральных объектов и текстов, моделей поведения, образа жизни и т. д. В результате, совокупность этих смыслов становится основой «мягкой власти» — «soft power».

«Мягкая власть» какой-либо страны, согласно гипотезе Джозефа Ная-младшего, строится на основе сочетания трех основных компонентов — культуры, политических ценностей, уровня влияния на внешнюю политику — и заключается в оказании воздействия на иные страны при помощи ресурса собственной привлекательности⁸. Однако, когда речь идет не об отдельно взятом национальном государстве, а о сообществе стран, имеющих общую цивилизационную природу, потенциал «мягкой власти» должен уточняться, поскольку совокупный ресурс всего сообщества практически не может быть равен сумме ресурсов отдельно взятых стран. Как правило, происходит либо «мультипликационный» резонирующий эффект — как это произошло

⁷ См. Л. П. Карсавин. Католичество. Откровения блаженной Анджелы. Томск, 1997.

⁸ См. Дж. С. Най. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006. С. 36–37.

в свое время с Западом, либо энтропия и рассеивание потенциала.

Проблема России, Украины, Греции и других цивилизационно близких стран заключается в том, что, обладая предпосылками для высокого уровня «мягкой власти», необходимость этого ресурса практически никогда не была осмыслена национальными элитами на концептуальном уровне и не превратилась в реальную проектную задачу или программу сколько-нибудь внятных действий. Именно истощением ресурса «мягкой власти» Най поясняет крах СССР в 1991 году.

Кроме того, на протяжении XVIII—начала XX века субъектом генерирования ресурса «мягкой власти» была отдельно взятая Российская империя (в которую, правда, входило большинство православных народов), а не сообщество цивилизационно близких стран (многие из которых обрели независимость и освободились от турецкого гнета именно благодаря ей), в XX веке субъектом стал СССР, несмотря даже на то, что формально он позиционировался как атеистическое государство, защищающее не восточнохристианские, а коммунистические ценности. Моносубъектность подобного развития — существование на протяжении нескольких веков лишь единственного православного государства — стала препятствием на пути кооперации усилий, интересов и возможностей стран восточнохристианского ареала в постсоветскую эпоху, поскольку и в Российской империи, и в Советском Союзе на первом месте был имперский уровень идентичности, а цивилизационный уровень не воспринимался как что-то особо самоценное (за некоторыми исключениями — например, за исключением «греческого» проекта Екатерины II или российско-турецких войн второй половины XIX века).

Если СССР манифестировал собственные идеологические и полити-

ческие ценности как универалистские, обладающие потенциальной актуальностью для любой страны и всего человечества в целом, то после его распада страны постсоветского и посткоммунистического мира, имеющие восточнохристианскую цивилизационную идентичность, не рассматривают себя в качестве генераторов каких-либо общезначимых проектов или импульсов и, за редкими исключениями (например, дипломатическое противостояние по поводу признания независимости Косово), не демонстрируют никакой цивилизационной солидарности и кооперации. На постсоветском пространстве достаточно силен информационный, идеологический и даже геополитический антагонизм между Россией, Украиной, Грузией и Молдавией (Беларуси и Армении удалось уклониться от подобного противостояния).

На первый план вышло осознание себя в качестве национальных государств с присущей подобному формату проблематикой «национальных интересов» и доминированием реальных интересов властных корпораций. При этом Россия пыталась использовать ресурс собственной привлекательности на постсоветском пространстве в форматах СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и Союза России и Беларуси. Однако представление о самоценности цивилизационной идентичности не задействовано ни на уровне политической риторики, ни на проектно-политическом уровне. Чаще всего на первый план выходит апелляция либо к советским ценностям и образам, либо к ценностям западной демократии. В подобном контексте восточнохристианский мир на первый взгляд вообще лишается каких бы то ни было признаков привлекательности, витальности, самодостаточности и обрекается на вечную маргинальность и догоняющее развитие, ведущее к демодернизации и поверхностной вестернизации.

Тем не менее, как представляется, восточнохристианская цивилизация обладает определенным количеством привлекательных свойств, ресурсов и возможностей, часть из которых в нынешних условиях глобального социально-политического транзита вполне способна обрести статус универсальных — актуальных и для всего восточнохристианского мира, и для западного сообщества, переживающего в настоящий момент кризис ценностей, и, возможно, для иных общностей тоже.

Ресурсом «мягкой власти» в ближайшем будущем вряд ли сможет стать какой-либо сугубо политический проект, за исключением разве что распространения ценностей нравственной политики и нравственной экономики, что на данный момент может восприниматься лишь в качестве деклараций. Но для «внутреннего» потребления могут стать актуальными ценности православной социальной доктрины — представление о миссии «Катехона», о «тысячелетнем царстве», представление о симфонии светской и духовной властей, гармония «двух градусов» и т. д.

А вот понимание человеческой природы, ее возможностей и перспектив, ценность антропологического максимализма и нового гуманизма, концепт новой человеческой солидарности, представления о «высшей правде» и «всечеловечности», присутствующие в культурном пространстве православных стран, могут стать актуальным ресурсом привлекательности восточнохристианского мира, а также оказаться востребованными в новом глобальном миростроительном проектировании.

У стран, составляющих ту или иную цивилизационную общность, могут быть разные, иногда даже диаметрально противоположные интересы, однако общность или близость ценностей создает основу для взаимопонимания

и долговременного стратегического партнерства. В нынешней ситуации для эффективного позиционирования самых разных стран может быть актуальным использование двойной идентичности, соединяющей мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна и цивилизационную матрицу. То или иное государство в контексте современной капиталистической мир-системы занимает определенное место, передвигается от периферии к центру, повышая свой международный статус, и обратно — от центра к периферии. Но при этом оно сохраняет принадлежность к своей локальной цивилизации. Если положение государства в мир-системе — это категория интересов, то принадлежность к локальной цивилизации описывается в категориях ценностей. Например, Япония и ЕС в рамках капиталистической мир-системы достигли лидирующих показателей по многим показателям развития, однако при этом Япония не стала Западом, не превратилась в часть Европы. То есть статус страны в мир-системе является ресурсом «мягкой власти» той локальной цивилизации, к которой она принадлежит.

Проблема субъектности «креативного класса» и создание нового миростроительного проекта

Кризис модерна и формирование глобального постиндустриального общества, в котором крайне высока ценность нематериальных активов — образов, идей, концептов, идентичностей, символов, мифов, текстов, культурных и технологических образцов, объектов интеллектуальной собственности, порождает представление о программируемости развития, о том, что будущее можно не только прогнозировать, но и эффективно моделировать. Модель «закрытого будущего», в котором вероятность развития событий жест-

ко детерминирована, осталась в эпохе Модерна.

В последнее время в связи с усложнением глобальных связей и систем управления, появлением новых политических субъектов, развитием формальных и неформальных сетевых сообществ, а также в связи с применением когнитивного оружия, гуманитарных технологий, технологий «управляемого хаоса» и асимметричных стратегий, актуально говорить уже об «открытом будущем». Горизонт прогнозирования в условиях глобализации и повышенной социальной турбулентности снижается, вероятность развития событий детерминирована не так сильно, как раньше, а их вариативность значительно возрастает.

Проектирование и воплощение сценариев по управлению будущим путем скоординированных точечных усилий — задача и род деятельности немногочисленного «креативного класса»⁹. Но такое управление становится возможным лишь в случае, если определяющими признаками этого класса в целом и его отдельных наиболее пассионарных и харизматичных представителей будут субъектность, амбициозность, стратегическое целеполагание, а также волевые и рациональные качества. В противном случае будущее «за них» создадут другие люди — представители иных народов и цивилизаций. Поэтому успешных строителей нового будущего правильнее было бы определить как «амбициозный креативный класс». «Создание» таких людей — их воспитание, обучение, продвижение на эффективные позиции в социально-политической структуре — становится крайне актуальной задачей для всех стран, претендующих на лидерство в новом мире. Сами же нематериальные активы и технологии «мягкой власти» приобретают

исключительное значение «строительного материала», из которого складывается будущее.

Показателем универсальности цивилизационной идеи и идентичности служит их востребованность на общечеловеческом уровне. Восточнохристианская цивилизация обладает всеми предпосылками для того, чтобы генерировать собственные универсальные миростроительные проекты, которые могут быть востребованы как на глобальном, так и локальном уровнях. Сам генезис восточнохристианской идентичности таков, что идея универсализма заложена в нем на матричном уровне — она наследуется из Византии, а еще раньше — из античности. Как универсалистский развивался и советский проект. Однако на современном этапе развития универсализм восточнохристианской цивилизации не актуализирован — это только возможность, а не сформированное конкурентное преимущество.

В конечном счете жизнеспособность восточнохристианской цивилизации зависит от креативного потенциала и способности генерировать инновации в масштабе всей мир-системы, а не быть лишь реципиентом чужих влияний. Обретение субъектности восточнохристианской цивилизационной общностью имеет два измерения: геополитическое и геокультурное.

Геополитическое предполагает создание геополитической «проекции» цивилизационной общности в формате военно-политического или экономического союза — своеобразного «Поствизантийского Содружества Наций» (термин Димитрия Оболенского¹⁰). Однако нынешнее состояние цивилизационной идентичности и уровня солидарности стран восточнохристианского ареала исключает

⁹ См. R. Florida. The Rise of the Creative Class. N. Y., 2002.

¹⁰ См. Д. Оболенский. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

создание в обозримой перспективе геополитического блока или геоэкономического союза. На сегодняшний день восточнохристианская цивилизационная идентичность не является достаточным и эффективным основанием для столь серьезного переформирования политического ландшафта Восточной Европы; к нему не готовы не только интегрированные в западные структуры Греция, Кипр, Болгария и Румыния, не только взявшие курс на подобную интеграцию Украина, Грузия, Черногория, Сербия, но даже Россия, Беларусь, Армения и Молдавия.

В существующих условиях более актуально установление двусторонних и многосторонних отношений между странами восточнохристианского ареала, актуализация в общественном сознании и в сознании элитных групп цивилизационной проблематики, научных и философских исследований, а также переход из рефлексивной стадии в креативную. Геокультурное измерение восточнохристианской общности предполагает формулировку, конструирование и популяризацию универсального сверхмодернизационного миростроительного проекта, соизмеримого по масштабу с Большим модерном или коммунизмом как проектом альтернативной модернизации. И уникальность подобного проекта может заключаться в специфической новой антропологии, новой онтологии, попытках формулировать новый дискурс социальности.

В свое время Византийская империя — прямая предшественница нынешней восточнохристианской цивилизации — достаточно длительное время была генератором социального и культурного развития для всей Европы. Россия же и иные цивилизационно близкие страны на протяжении последних трех с половиной веков сосуществовали с Западом в реактив-

ном формате: «западный вызов — восточный ответ». Подобная асимметрия отношений свидетельствует о недоразвитой субъектности у восточнохристианской общности. Однако нынешнее состояние размывания модерна и глобальной турбулентности дает возможность на глобальном уровне реализовывать социальные инновационные проекты даже самым маргинальным субъектам: фигурально выражаясь, последние обрели шанс оказаться первыми.

Но успехи в освоении будущего зависят, прежде всего, от уровня солидаризации и кооперации восточнохристианских обществ и от субъектности «амбициозного креативного класса». Можно сказать, что для цивилизационного «строительства» нужны «строители» («креативный класс») и «строительный материал» (ресурс «мягкой власти»). В долгосрочной перспективе у локальных цивилизаций существует три сценария развития судьбы: растворение, столкновение и трансформация¹¹. Первый ведет к утере собственной цивилизационной индивидуальности, второй таит в себе угрозу гибели человечества. Третий следует рассматривать как возможность эффективного развития, сопряженного с сохранением своей индивидуальности.

Не исключено, что в условиях восточнохристианской цивилизации надежду на успешность трансформаций, на преобразование социальности и обретение конкурентоспособности перед вызовами новейшего мирового порядка допустимо мотивировать не только характерными для Запада рациональными доводами, но и аргументами, которые присущи незападным обществам, — например волей Провидения.

¹¹ См. Ю. В. Яковец, Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003. С. 44.

SWOT-анализ восточнохристианской цивилизации

Попробуем исследовать восточнохристианскую цивилизацию с точки зрения соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз — при помощи матрицы «качественного стратегического анализа» (SWOT-анализа). Эффективность этого метода заключается в том, что с его помощью можно построить стратегию развития, в которой концентрация усилий и ресурсов субъекта тратится не на *решение проблем*, а на *использование собственных возможностей*. Таким образом, создаются предпосылки для того, чтобы взаимодействие субъекта с объектами и иными субъектами происходило по модели *генерирования смыслов и активных действий*, а не по модели изначально проигрышного реактивного ответа на внешние вызовы.

Сила (Strength) — преимущества субъекта

— Наличие в истории успешных и конкурентоспособных для своего времени государств (Византийская империя, Древнерусское государство, Болгарское царство, Российская империя, СССР).

— Культурное, духовное, религиозное, политическое, государственно-правовое наследие Византийской империи, несущее в себе парадигму греко-римского цивилизационного универсализма.

— Социально-политическое и технологическое наследие СССР, опыт советской альтернативной модернизации.

— Высокий уровень развития фундаментальной науки и образования, сравнительно высокий уровень развития «человеческого капитала».

— Миростроительная субъектность Византии и Древней Руси как генера-

торов мощных культурных импульсов в масштабе всей средневековой Европы.

— Наличие сакральных центров и ценностных ориентиров (представления о Москве и Тырново как о Третьих Римях, о Киеве как Втором Иерусалиме, о Святой Руси, о Катехоне, о всемирной миссии православного царства в «последние времена», учение о Святой Софии как Премудрости Божьей и т. д.)

— Наличие разработанных и актуализированных в культурной памяти православных народов эсхатологических представлений, позволяющих выстраивать стратегическое видение собственного развития и его сверхзадачи.

— Наличие внутрицивилизационной общности оригинальных национальных политических культур и политических систем разного типа (российской, украинской, белорусской, сербской, греческой и др.) — с широким диапазоном ценностных установок, представлений, традиций, стереотипов поведения, механизмов управления, но с достаточным уровнем взаимной комплементарности.

— Наличие богатого культурного наследия, признанного Западом и изучаемого иными цивилизациями в контексте достижений мировой культуры.

— Развитое в русской, украинской, греческой, грузинской и других культурах экстатическое отношение к миру, возможность познания путем озарения, а не логических актов.

— Этнокультурная и расовая гомогенность восточных христиан, относящихся к индоевропейской языковой семье (за исключением грузин, представителей большинства православных неславянских народов России — чувашей, татар-кряшенов, вепсов, карелов, удмуртов, молдавских гагаузов, а также православных арабов).

— Использование нелатинских алфавитов — кириллического, греческого, армянского и грузинского (исключение составляют лишь румынский и молдавский языки, в которых на протяжении их литературной истории периоды использования кириллического и латинского алфавитов чередовались, а также сербский (сербско-хорватский) язык, у которого под хорватским влиянием есть и латинографичная версия).

— Сохранение большинством православных поместных церквей «старого стиля» (Юлианского календаря);

— Относительно высокий уровень религиозности в православных странах на данный момент.

*Слабость (Weakness) —
недостатки субъекта*

— Низкий уровень цивилизационной солидарности и кооперации, отсутствие внутрицивилизационной геополитической, геоэкономической, идеологической и ценностной консолидации.

— Конфессиональная и цивилизационная разделенность славянского мира. Наличие в историческом прошлом опыта религиозных либо конфессионально окрашенных (в 1990-х годах) войн между различными славянскими народами и странами. Наличие исторического и актуального опыта вооруженных конфликтов между православными странами.

— Конфликты этнокультурных идентичностей между родственными православными народами, вследствие чего одни народы могут не признавать существование либо самостоятельность и культурную самостоятельность других (великорусско-украинско-белорусский, болгаро-македонский, сербо-черногорский, румыно-молдавский конфликты).

— Отсутствие привлекательной и эффективной этики международных отношений, практика неисполнения

международных договоров и договоренностей, распространенный образ православной страны как ненадежного союзника.

— Кризис рационального христианского дискурса в культуре православных народов после гибели Византии; попытки его преодоления в середине XVII — начале XX века не оказались удачными.

— Отсутствие на сегодняшний день большого постиндустриального миростроительного проекта.

— Отсутствие успешной и конкурентоспособной в современных условиях социальной и трудовой этики.

— Сырьевая ориентация и высокая зависимость от внешних факторов российской и украинской экономик, низкий уровень интеграции в «экономику знаний».

— Прозападная ориентация политических элит большинства православных стран, неверие в элитной среде в политическую конкурентоспособность восточнохристианского проекта.

— Отсутствие консолидированного субъекта, отсутствие интегративного геокультурного образа (подобного образу «Запада» в западнохристианской цивилизации).

— Низкая комплементарность российской и украинской политических культур, препятствующая появлению консолидированного геополитического и геоэкономического мегасубъекта в Восточной Европе.

— Незрелость представлений о самодостаточности, уникальности, неповторимости, эксклюзивности восточнохристианской цивилизационной идентичности, распространение представлений о цивилизационной ущербности и «недоевропейскости» православных стран, устойчивые представления о нахождении генераторов общемирового развития исключительно в среде западной цивилизации.

— Различные геополитические и геокультурные приоритеты у разных стран восточнохристианской традиции (Греция, Болгария и Румыния являются членами НАТО и ЕС; Украина, Грузия, Черногория стремятся к интеграции в эти структуры).

— Распространенные традиции коррумпированности государственного аппарата и феномен «приватизации» государства корпорацией чиновников.

— Слабость миссионерской деятельности православных церквей в настоящее время, недостаточное использование языка современной культуры и арсенала современных информационных технологий (по сравнению с католической церковью и протестантскими церквями и сектами).

— Отсутствие православных монархических династий с легитимными претендентами на престол (за исключением потомков сербской династии Кара-Георгиевичей).

— Непризнанность восточнохристианской цивилизации Западом в качестве равного субъекта на всем протяжении ее существования. Использование Западом этики двойных стандартов по отношению к странам восточнохристианского ареала. Ни одна из них не входит в «Золотой миллиард», ни одна из элит этих стран не интегрирована в мировую элиту (за исключением отдельных «элитариев» и «нуворишей»).

*Возможности
(Opportunities) —
благоприятные факторы
внешней среды*

— Географическое положение и геоэкономические показатели, позволяющие выстраивать эффективные проекты с участием различных стран восточнохристианского ареала.

— Относительная географическая компактность восточнохристианского мира — все входящие в него страны

составляют единый массив с общими границами.

— На восточнохристианской культурной основе возможно формирование принципиально новой максималистской антропологии, которая в свою очередь может стать предпосылкой для поисков и создания нового мирового универсального миростроительного проекта.

— Наличие разработанного в богословии Отцов Восточной Церкви учения об обожении как синергии (сотворчестве) Бога и человека и соответствующих духовных практик (исихазм), наличие апофатической гносеологии (постижение Бога через то, чем Он не является) и синергичной методологии по отношению к вопросам свободы и благодати.

— Общемировая известность бренда русской классической литературы и русской культуры. Избирательная известность некоторых произведений и феноменов украинской, сербской, болгарской, румынской, армянской, современной греческой культур. Наличие узнаваемых и признанных во всем мире деятелей культуры.

— Возможность и необходимость формирования адекватного позитивного «инструментального» отношения к ценностям модерна (путем как их переосмысления в восточнохристианском цивилизационном контексте, так и отыскания их аналогов и прототипов в византийской и древнерусской исторической ретроспективе).

— Возросший интерес к православию, православному богословию и религиозной культуре в среде западной интеллектуальной элиты.

*Угрозы (Threats) —
противодействие внешней среды*

— Несоразмерность ресурсов и несоизмеримость потенциалов России и остальных стран восточнохристианской общности, затрудняющие партнерство с Россией, во многих странах

рассматриваются изначально как угроза собственному политическому и культурному суверенитету.

— Различный политический «темперамент» и уровень амбиций России и остальных стран восточнохристианской общности. Наличие специфической российской политической культуры, существенной чертой которой является концентрация властных полномочий у одного субъекта и подавление им иных субъектов, что препятствует созданию эффективных геополитических и геоэкономических союзов на паритетной основе.

— Политическая напряженность между православными странами в современных условиях (российско-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 года и т. д.).

— Планомерная интеграция стран восточнохристианского ареала в политические структуры Запада и его сферу влияния.

— Отсутствие в контексте восточно-европейской цивилизационной общности по состоянию на начало XXI века ценностей и когнитивных конструкций, симметричных западным.

— Неадекватное представление о православном христианстве и культуре стран восточнохристианского ареала на Западе (в частности, представления о православном цезарепапизме, об «обрядоверии», об отсутствии «логоса» в богословии и философии).

— Стереотипное восприятие в российском общественном сознании России как государства-цивилизации, что умаляет цивилизационную солидарность с иными православными странами.

— Появление феномена государства-корпорации, логика существования которого размывает цивилизационные ценности и снижает цивилизационную солидарность в международных отношениях.

— Усиление восточнохристианской цивилизационной идентичности в

России может уменьшить лояльность неправославных народов Москве.

— Сравнительно низкий уровень жизни в странах восточнохристианской общности, непривлекательность постсоветского образа жизни в сравнении с западноевропейскими и даже центрально-европейскими странами.

Таким образом, «качественный стратегический анализ» восточнохристианской цивилизации позволяет сделать вывод о наличии в ее арсенале немалых ресурсов и возможностей, а также о слабости потенциальных субъектов и, соответственно, о сложности реализации сценариев прорывного развития. При этом одна из главных слабостей восточнохристианской цивилизации в целом и входящих в нее стран по отдельности заключается в очевидности ее недостатков и неочевидности или малой известности ее достоинств и конкурентных преимуществ.

Цивилизации — это не только культурный или хозяйственный феномен, это способ самосохранения больших социальных групп и всего человечества в целом. За любой из локальных цивилизаций стоит своя история, своя правда, свой уникальный образ мира и вечности. Цивилизационное мышление изначально ориентировано на универсальные ценности — именно поэтому актуализация в современном глобализованном мире цивилизационных чувств таит в себе меньше угроз, чем актуализация, скажем, религиозной, этнической, классовой или групповой идентичностей.

Сейчас, в условиях усиления хаоса и неопределенности, в ситуации «миротрясения», резко возрастают и риски, и возможности. Надо только суметь избежать рисков и воспользоваться возможностями. Не исключено, что это единственный способ выживания. ◆